

А. А. Сафонов*

**«БУДУЩЕЕ ЦЕЛЬНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ»
ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ**

Данная статья представляет собой своеобразный опыт реконструкции того что Павел Флоренский назвал «будущим цельным мировоззрением». В ней рассматривается уникальное понимание мыслителем православной веры, предполагающее всеобъемлющий синтез самых разных областей человеческой деятельности. Особенное внимание уделяется его пониманию культуры и техники, как антиэнтропийной деятельности и борьбы за логос против хаоса. Рассматривается оригинальная гносеология, снимающая рационалистическую изоляцию субъекта и объекта и высшей целью познания ставившую бытие в Истине. Анализируются взгляды на науку, испытавшие большое влияние аритмологии Н. Бугаева и естественнонаучного стиля И. Гете и М. Фарадея. Отличительными особенностями здесь является возрождение пифагорейского понятия формы, холизм и ориентация на практику, что сближает взгляды Флоренского с синергетикой.

Ключевые слова: Павел Флоренский, Н. Бугаев, И. Гете, М. Фарадей, цельное мировоззрение будущего, всеединство, конкретная метафизика, аритмология, протофеномен.

Safonov A. A.

*«FUTURE INTEGRAL WORLDVIEW» BY PAVEL FLORENSKY:
AN ATTEMPT AT RECONSTRUCTION*

This article is a kind of experience of reconstruction of what Pavel Florensky called «the future integral worldview». It examines the thinker's unique understanding of the Orthodox faith, which presupposes a comprehensive synthesis of the most diverse areas of human activity. Special attention is paid to his understanding of culture and technology as an anti-entropic activity and the struggle for logos against chaos. The article also considers original epistemology of the philosopher, which removes the rationalistic isolation of subject and object and sets being in Truth as the highest goal of cognition. The article analyzes views of the philosopher on science that have been greatly influenced by N. Bugaev's arrhythmology

---

* Сафонов Андрей Анатольевич, магистр философии, преподаватель философии Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта; andreyaletya87@yandex.ru

and the natural science style of I. Goethe and M. Faraday. Distinctive features here are the revival of the Pythagorean concept of form, holism and orientation to practice, which brings Florensky's views closer to synergetics.

Keywords: Pavel Florensky, N. Bugaev, I. Goethe, M. Faraday, integral worldview of the future, unity, concrete metaphysics, arrhythmology, protophenomenon.

В своем автореферате П. Флоренский пишет, что своей жизненной задачей видит «проложение путей к будущему цельному мировоззрению» [11, Т. 1, с. 37–43]. К этой теме он возвращался неоднократно, к примеру, в работе «У водоразделов мысли» он говорит о «философской антропологии наших внуков», которая должна возникнуть «когда плотно сомкнется цепь ведения с преданием седой древности и всецело оправдается общечеловеческий опыт». [13, с. 37]

Но что же из себя представляет собой это цельное мировоззрение?

Мы живем во время, когда наследие русского Леонардо наконец-то получило признание. Самым разным направлениям его мысли посвящены сотни статей, диссертаций, его идеи заинтересовали ряд западных исследователей (Н. Валентини, G. Accarini, G. Adler, S. Cassedy, B. Forte и др.) [см. 1, с 180–181]. Однако все это флоренскианское возрождение не выходит за границы академической философии и теологии. Нельзя сказать, что на данный момент существует цельное мировоззрение, построенное на идеях философа, которое бы имело сколь либо значительное влияние на широкие массы.

Не является ли создание такого мировоззрения главной задачей, которую о. Павел адресовал будущим читателям?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, нам нужно наметить общие контуры этого мировоззрения, выявить его ключевые узлы.

П РА В О С Л А В И Е

Невозможно говорить об искомом мировоззрении вне этого пункта, хотя в нем нет на первый взгляд чего-то связанного именно с мыслью Флоренского.

О православной вере как ключевом столпе мировоззрения говорили С. Уваров, А. Хомяков, И. Киреевский, Ф. Достоевский, К. Леонтьев, Н. Данилевский, Н. Бердяев, С. Булгаков, Е. Трубецкой, И. Ильин и многие другие русские мыслители.

Что же особенно уникального в православии Флоренского?

Прежде всего следует отметить, что религия не является для него областью, подчиненной чему-либо: философии, политике, русской идее, традиции и пр. Для Флоренского религия — область абсолютно автономная, возвышающаяся над всеми прочими областями жизни и абсолютно самодостаточная: она не требует коррективов со стороны философии, не предполагает никаких компромиссов с современностью, научным мировоззрением и пр. в духе естественной или либеральной теологии. «Довольно философствовали, — говорит наш автор, — над религией и о религии, — надо философствовать в религии — окунувшись в ее среду». [11, т. 2, с. 139].

Уникальность ситуации в том, что философствовать в религии решил человек с высочайшими эстетическими, культурными и научными запросами,

человек, единственной возлюбленной детства которого была природа, который не мыслил себя без науки даже во Христе: «И вижу я себя перед Кем-то беспристрастным и строгим, большим. И вдруг я, созерцаемый, воскликнул: «Я двоясь, я раздваюсь. Господи, не дели науки во мне от Христа! Я не могу быть с наукою без Христа, но я не могу остаться без науки!»». 1902.6.19» [7, с. 457]

Мучительная антиномия оставляет для молодого человека единственный путь: расширить место шатра своей веры до всех областей человеческой жизни, включая искусство, науку, технику, воплощая в жизнь ту полноту, которая сокрыта во Христе и должна наполнить все во всем.

В его магистральной работе «Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах» потрясающе раскрывается эта идея всеобъемлющего синтеза во Христе: догмат о Троичности переплетается с философскими и лингвистическими исследованиями, формулами формальной логики и математики, теория красок Гете с размышлениями о бирюзовом сиянии Софии и т. д.

Все это очень созвучно строчкам из столь ценимого нашим философом Данте:

*«Я видел — в этой глуби сокровенной / Любовь как в книгу некую сплела /
То, что разлистано по всей вселенной: / Суть и случайность, связь их и дела, / Все —
слитое столь дивно для сознанья, / Что речь моя как сумерки тускла»* [3, с. 85–90]

ГНОСЕОЛОГИЯ

Интеллектуальный полюс, определяющий все направления интеллектуального пространства «Столпа и утверждения истины» и всего наследия П. Флоренского — вопрос об абсолютной Истине.

И здесь на первый взгляд нет ничего уникального. Кто из философов, тем более христианских, не размышлял об истине?

Уникален ответ: истина по Флоренскому не сводится к логической непротиворечивости или соответствию с фактами. Истина является абсолютным самодеказуемым Субъектом, и задача ищущих ее не в том, чтобы говорить о ней, а в том, чтобы пребывать в ней [12, 66]. Познать Истину значит быть в ней, т. е. быть сопричастным предвечной любви между ипостасями Троицы. В этой картине мира снимаются все проблемы рациональных систем, порожденные методологическим разделением субъекта и объекта.

«Иллюзионизму, субъективизму и психологизму он противопоставляет реализм как убеждение в транссубъективной реальности бытия: бытие непосредственно открывается знанию. Восприятия не субъективны, а субъектны, т. е. принадлежат субъекту, хотя и лежат вне его. Иначе говоря, в знании сказывается подлинная расширенность субъекта и подлинное соединение его энергии (в смысле терминологии XIV в.) с энергией познаваемой реальности». [11, т. 1, с. 37–43].

Таким образом, познание оказывается имманентным реальности.

В этом соединении ключ к понимаю цельного мировоззрения будущего. Своеобразной системой координат здесь является библейская заповедь: «возлюби Бога всем сердцем, всей душой и всем разумением своим и возлюби ближнего как самого себя» (Мк. 12:30). [2]

Чтобы познать Истину, нужно возлюбить ее, а возлюбивший не может не делиться той полнотой, к которой он получил доступ. В этом средоточии сплетены как в заветной дантовской книге все многочисленные интересы русского Леонардо: логика, математика, физика, философия, искусство, техника, лингвистика...

Подобный способ мысли не вписывался в современный мыслителю век дифференциации и специализации, в который даже два математика порой не могут понять друг друга. Флоренский понимал это как возвращение к средневековому миропониманию. Но средневековье здесь не предполагает обскурантизма и отказа от всех благ современности. Весь секрет в фокусе внимания: самые передовые научные и культурные явления обретают свое правильное положение в отношении к своему центру.

КУЛЬТУРА КАК РАЗНОСТЬ ПОТЕНЦИАЛОВ

Соотношение религии и культуры, духовности и творчества — одна из центральных проблем для мыслителей русского религиозного ренессанса.

В свойственной ему манере П. Флоренский разрешает дилемму христианства и культуры не исключаящим «или», но антиномическим «и».

«Основным законом мира Ф[лоренский] считает второй принцип термодинамики — закон энтропии, взятый расширительно, как закон Хаоса во всех областях мироздания. Миру противостоит Логос — начало эктропии. Культура есть сознательная борьба с мировым уравниванием: культура состоит в изоляции, как задержке уравнительного процесса вселенной, и в повышении разности потенциалов во всех областях, как условия жизни, в противоположность равенству — смерти». [11, т. 1, с. 37–43].

Таким образом, культура обретает в мировоззрении Флоренского духовное и космическое значение: это отвоевание у хаоса территории для Логоса, повышение «разности потенциалов», противостояние мировому уравниванию.

Примечательно, что подобные взгляды сочетаются у нашего автора с отрицанием культуры «как единого во времени и в пространстве процесса, с вытекающим отсюда отрицанием эволюции и прогресса культуры». [11, Т. 1, с. 37–43].

Очевидно, что культура как сознательная борьба с энтропией не есть абстрактная общечеловеческая культура. Для Флоренского очевидны разрушительные культурные тенденции. Особое внимание он в этой связи уделяет секуляризму и индивидуализму эпохи Ренессанса.

Дабы стать подлинно антиэнтропийной силой, культура должна вернуть к своему источнику — культу, причем свой истинный центр культ может иметь только во Христе.

Культуру, понимаемую так, можно воспринимать как воплощение царства Божьего на земле, расширение и возделывание сада Божьего. (В связи с этим особый интерес представляют размышления философа о сельскохозяйственным происхождении слова «культура».[см. 9])

Несмотря на призывы возвратиться к средневековому мировоззрению, Флоренский не отрицает даже такого пугавшего многих консервативных мыслителей явления как техника. Последняя становится у него одним из фронтов борьбы Логоса против хаоса. Более того, технические изобретения не противостоят человеку, а становятся неотъемлемой частью его жизненного мира, его органопроекции.

АРИТМОЛОГИЯ, СКАЗОЧНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ В ДУХЕ И. ГЕТЕ И М. ФАРАДЕЯ, СИНЕРГЕТИКА

В сознании современного человека трудно соединить религиозно-мистическую и научную сторону цельного мировоззрения, понять его своеобразный археомодернизм. У Флоренского две стороны сосуществовали гармонично, и эта гармония определила уникальный стиль его философских и научных исследований.

Интересно, что ключи к тому, что Флоренский впоследствии назовет сказочным мировоззрением, дал ему сциентистски настроенный отец, размышляя об идее прерывности:

«Отец считал, что именно идея прерывности лежит пропастью между мировоззрением его поколения и тем, сказочным, мировоззрением чуда, к которому стремлюсь я. По мнению отца, доказать в явлениях природы прерывность — это и значит разбить позитивизм и провести в жизнь обратное. Он говорил, что эта идея прерывности направлена против того, что защищала он, но что он считал делом величайшей важности сделать попытку обосновать ее и полагает мои приемы, отвлеченно-конкретные, наиболее соответствующими потребностям нашего времени». [7, с. 119]

Идея прерывности и построенная на ней аритмология Н. Бугаева действительно сыграла решающее значение в формировании мыслителя. В юности он пишет работу «Об одной предпосылке мировоззрения», где предполагает, что идея непрерывности явилась парадигмальным зерном современной цивилизации, в ней коренятся рационализм, эволюционизм, позитивизм и прочие чуждые нашему герою направления мысли. Но двадцатый век, по мнению Флоренского, должен явиться веком фундаментальных сдвигов. На смену рациональному континууму, не оставляющему даже щелочки для необъяснимого, должен прийти мир пифагорейских форм.

Аритмология расширяется у Флоренского до фундаментальной философской метафоры: отныне наука перестает быть единственным способом объяснения реальности, одну за другой заполняющим все клеточки вселенского кроссворда, а становится символическим языком для описания отдельных

смысловых форм. Это, с одной стороны, дает место для альтернативных способов описания действительности, с другой — приземляет науку, смещает ее фокус внимания с абстракций к конкретной практической жизни.

Взгляды Флоренского по этому вопросу очень емко характеризует следующее его высказывание о занятиях теоретической физикой:

«Дух современной физики, с ее крайней отвлеченностью от конкретного явления и подменной [физического] образа аналитическими формулами, чужд мне. Я весь в Гете-Фарадеевском мироощущении и миропонимании [...] Физика будущего должна пойти по иным путям — конкретного образа. Она должна пересмотреть свои основные позиции, а не расти путем заплат на мышлении явно обветшавшем. Нет, и в Москве я не принял бы участия в работах, в современных работах, по физике, а стал бы заниматься космофизикой, общими началами строения материи, но как она дана в действительном опыте, а не как ее отвлеченно конструируют из формальных посылок. Ближе к действительности, ближе к жизни мира — таково мое направление. Ведь не без причины я ушел в свое время в электротехническое материаловедение» (из письма 23–25 апреля 1936 года). [1, с. 52–53]

Ориентацией на конкретику и настороженным отношением к абстракциям Флоренский во многом обязан своим главным научным учителям — Гете и Фарадею.

Суть мировоззрения первого во внимании к феноменам, которые при должном внимательном взгляде уже объясняют себя, открывают проявляющиеся через них протофеномены. Яркий пример — знаменитое прарастение, архетипическая органическая форма, метаморфозами которой являются различные части растения. Так, лепесток — метаморфоза листа и т. д.

Научный подход М. Фарадея также отличается повышенной ориентацией на опыт. Отдельные его эксперименты, подобно гетевским протофеноменам, разрастаются до парадигмальных идей, как в случае хрестоматийного опыта с магнитом и катушкой, подарившего физике революционную концепцию поля.

XX век во много подтвердил предположения Флоренского о фундаментальном сдвиге парадигм. Кризис оснований в математике, теория относительности, квантовая физика пошатнули наивный сциентизм XIX века, все чаще научные законы стали пониматься как модели, нежели как истины в последней инстанции.

Отдельный интерес представляет соотнесение целостного мировоззрения и такого современного междисциплинарного направления, как синергетика.

Междисциплинарность, холизм, наличие гибких математических моделей, относительно независимых от фундаментальной науки, внимание к дискретным моделям, соотношение порядка и хаоса — все эти черты и темы сближают оба подхода.

Подобно авторам синергетического направления, работавшим зачастую за пределами классических дисциплин и делавших открытия на их стыке, П. Флоренский противопоставляет склонности современной ему науки к абстрактной систематике, контрапунктический подход, где отдельные темы тесно сплочены особой диалектикой. «Построение его — характера органического, а не логического, и отдельные формулировки не могут обособляться от конкретного материала». [11, Т. 1, с. 37–43]

Если классическую науку с ее ориентацией на системность можно уподобить некой фабрике познания, то мышление П. Флоренского скорее напоминает некий творческий хаос, воображение поэта соединяется здесь с практичностью естествоиспытателя.

«Темы набегают друг на друга, нагоняют друг друга, оттесняют друг друга, чтобы, отзвучав, уступить потом место новым темам... В сложении целого каждая тема оказывается так или иначе связанной с каждой другой: это круговая порука, ритмический перебой взаимопроникающих друг друга тем... Связующие отношения тут многократны, жизненно-органичны, в противоположность формальным, исчислимым и учитываемым связям рациональных систем, причем самые системы напрашиваются на уподобление канцелярскому механизму, с внешними и скучными, но точно определенными заранее отношениями. Напротив, та ритмика мысли, к которой стремится автор, многообразна и сложна множественностью своих подходов; но во всех дышит одно дыхание: это — синархия» [13, с. 16]

В приведенном отрывке П. Флоренский характеризует свой метод философской антропологии, который однако можно смело отнести к его естественнонаучным изысканиям, где, к примеру, узкоспециальная тема геометрической интерпретации мнимостей легко связывается с теорией относительности, литературными изысканиями о маршруте Данте и философии иконы.

Интересно сопоставить эти взгляды с рассуждениями И. Пригожина и И. Стенгерс о новой революции в естествознании, произошедшей в XX веке:

«Естественные науки избавились от слепой веры в рациональное как нечто замкнутое и отказались от идеала достижимости окончательного знания, казавшегося почти достигнутым. Ныне естественные науки открыты для всего неожиданного, которое больше не рассматривается как результат несовершенства знания или недостаточного контроля». [5, с. 254–255]

Конечно, невозможно поставить знак равенства между тем, что И. Пригожин и И. Стенгерс назвали «смутной картиной мира», и контрапунктическим подходом П. Флоренского, однако и там и там можно увидеть явную тенденцию к пониманию науки как открытой эвристической среды, «поэтического вопрошания природы» [5, с. 250], приходящему на смену царившему в классической науке представлению о природе как о «неком автомате». [5, с. 251]

МАТЕМАТИКА КАК КЛЮЧ К МИРОВОЗЗРЕНИЮ

Особенное значение в мировоззрении мыслителя играет математика. В одном из студенческих писем он называет ее ключом к своему мировоззрению:

«Математика для меня — это ключ к мировоззрению, такому мировоззрению, для которого нет ничего настолько неважного, чем не надо было бы заниматься, нет ничего не стоящего в связи с другим. При математическом мировоззрении нет надобности намеренно или бессознательно игнорировать целые области явлений, урезывать и достраивать действительное». [8, с. 175]

Подводя своего рода философский итог своему творчеству в автореферате, он напишет: «Мировоззрение Флоренского сформировалось главным образом на почве математики и пронизано ее началами». [13, т. 1, с. 37–43]

Важно понимать, что философ не ставил целью создание законченной философской системы по геометрическому образцу в духе Б. Спинозы и Х. Вольфа. Математика является для него своего рода хранилищем архетипов, универсальных структур, связывающих самые отдаленные уголки его философской ткани, которую он противопоставлял духу системы.

Характерный пример этого подхода — незаконченная идеографическая энциклопедия символов *Symbolarium*, в которой он рассматривает простейшие геометрические фигуры (точка, круг, спираль и т. п.) как своего рода символическую азбуку зрительных образов. «В них укладывается все разнообразие конкретных явлений, носящих символическое значение. Так значение вертикальной линии человеческого тела, колонны или дерева обусловлены «смыслом вертикальной линии вообще», графика кольца, венца, Стоухенджа укладывается в графике круга и т. д.». [11, т. 2, с. 573]

Другие яркие примеры — работа «Мнимости в геометрии», в которой проблематика геометрической интерпретации мнимых чисел расширяется до вопросов дантовской космологии; заметки о золотом сечении, в которых т. н. божественная пропорция становится универсальным законом воплощения целого. [11, т. 3, с. 169].

Математическая проблематика появляется у философа в самых неожиданных местах: теория групп применяется к вопросу о духовном возрастании личности [8, с. 281], история определения иррациональностей в математике становится примером интеллектуального подвига, преодолевающего ограниченность рассудка, теория трансфинитных чисел Г. Кантора — символом логико-онтологических отношений между относительным и абсолютным. [11, т. 1, с. 281] и т. д.

Взгляды П. Флоренского хорошо сочетаются с платонической линией в математике, получившей второе дыхание в XX веке благодаря работам П. Бернайса, К. Геделя и др.

Однако, если у большинства представителей математического платонизма последний сводится к онтологическому статусу математических объектов, у Флоренского они становятся идеальными формами, применимыми «повсюду, где только функционирует сознание» [11, с. 284]. Следует отметить, что мировоззрение Флоренского не останавливается на нейтралитете между областями науки и веры, обе сферы у него равно важны и должны обогащать друг друга. Наука как бы освящается в этой картине мира, она призвана стать на службу Духу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, нам удалось наметить общие контуры цельного мировоззрения П. Флоренского, это:

— Уникальное понимание православной веры, распространяющее последнюю на все области человеческой жизни, включая культуру, науку и технику.

— Особенное понимание Истины как самодеказуемого субъекта (святой Троицы), познание которого предполагает соединение с Ним, т. е. любовь.

— Важная гносеологическая предпосылка: познание имманентно реальности;

— Понимание культуры как «разности потенциалов», играющей ключевую роль в борьбе за Логос против хаоса.

— «Сказочное мировоззрение», опирающееся на аритмологию, естественнонаучные подходы И. Гете и М. Фарадея. Наука в этой картине мира не претендует на полное объяснение действительности. Она является не более чем одним из символических языков и в то же время — неотъемлемой частью человеческой деятельности. Более того, наука включена в софийное всеединство, существует множество нитей, связывающих ее с религией, философией, искусством и т. д.

— Понимание математики как «ключа к мировоззрению», своего рода хранилище универсальных архетипов.

Естественно, объем данного исследования не дает охватить проблему реконструкции цельного мировоззрения в достаточном масштабе. Но уже сами шаги в этом направлении крайне актуальны сегодня, когда все острее встает вопрос о цивилизационном послании России.

Духовность, цельность, целомудрие, семейные ценности, возможность для синтеза науки и веры — все эти смыслы должны перестать быть кабинетными абстракциями и обрести конкретное воплощение. И в этом вполне может помочь наследие автора конкретной метафизики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валентини Наталино. Павел Флоренский / Перевод: Ольга Хмелевская. Пер. с ит. (Серия «Религиозные мыслители»). — М.: Издательство ББИ, 2015.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — М., 2006.
3. Данте Алигьери. Божественная комедия / пер. с итал. М. Л. Лозинского. — М.: Наука, 1967. 627 с.
4. Половинкин С. М. П. А. Флоренский: Логос против Хаоса. — М., 1989. — (Рец.: Топорков А. Л. // Вопросы философии. — 1989. — № 12)
5. Пригожин Илья, Стенгерс Изабелла. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / Пер. с англ./ Общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. — М.: Едиториал УРСС, 2014. — 304 с.
6. Флоренский П. Мнимости в геометрии. Изд. Лазурь. — 1991. — 96 с.
7. Флоренский П. Из моей жизни. — М.: Академический проект; Гаудеамус, 2018.
8. Флоренский П. А. Флоренский П. В. Обретение Пути. Павел Флоренский в университетские годы. В 2 т. Т. 1 — М: Прогресс-Традиция, 2011. — 584 с.
9. Флоренский П. А. Органопроекция // Русский космизм: Антология философской мысли. — М.: Педагогика-Пресс, 1993.
10. Флоренский П. А. Собрание сочинений в 4 томах. — М.: Мысль, 1994.
11. Флоренский П. А. Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии) / свящ. П. А. Флоренский; сост. и ред. игумен Андроник (Трубачев). — М.: Мысль, 2004. — 684 с.

12. Флоренский, П. А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи — М.: АСТ, 2007. — 633 с.

13. Флоренский П. У водоразделов мысли: Черты конкретной метафизики. — М.: АСТ, 2009. — 346 с.

14. Флоренский П. А.: pro et contra.// Составление, вступ. ст., примечания и библиогр. К. Г. Исупов. — СПб.: Изд-во РХГИ, 1996. — 752 с.